

УДК 94(57)+94(47).084.6+94(438)

В. ОЛЬШЕВСКИЙ

СООБЩЕНИЯ МЕЧИСЛАВА ЛЕПЕЦКОГО ИЗ СИБИРИ (1930-е гг.)*

д-р ист. наук, проф.,
Университет Николая Коперника,
г. Торунь (Польша)

Рассматриваются впечатления от поездок в Сибирь в 1933 и 1936 гг. известного польского военного путешественника М. Лепецкого. Представлены его оценка происходивших изменений, описание Новосибирска, его особенностей, отличий от других сибирских городов.

Ключевые слова: поляки в Сибири, Мечислав Лепецкий, Сибирь в 1930-е гг., Новосибирск, Акатуй.

Мечислав Лепецкий (1897–1969) являлся участником войны между Польшой и Советской Россией, затем был адъютантом маршала Пилсудского. Он участвовал в нескольких научных экспедициях, иногда польское правительство поручало ему исследование экономической и культурной ситуации. Результатом таких поездок были составленные им отчеты, а также несколько книг, пользовавшихся широкой популярностью.

В 1930-х гг. Мечислав Лепецкий трижды выезжал в Советский Союз, в том числе два раза в Сибирь – в 1933 и 1936 гг. Каждой из этих поездок он посвятил отдельную книгу [1; 2].

Оценивая этнографическую ценность сообщений путешественников, оказавшихся в чужой стране, в контакте с чужой культурой, следует иметь в виду культурный (а, следовательно, исторический и политический) багаж автора, его прежнее знакомство с культурой данной страны, знание им языка и т.п. М. Лепецкий не имел специального образования, однако он много лет находился в контакте с культурами, которые гораздо сильнее отличаются от польской, чем русская. Свои визиты в Советский Союз он совершил в тот непродолжительный – в несколько лет – период, когда в отношениях между нашими государствами возникло некоторое потепление. Враждебность окончательно не исчезла, но она несколько ослабла. Лепецкий как польский офицер высокого ранга находился во время его пребывания в Советском Союзе под неослабным, более или менее явным контролем НКВД и отдавал себе в этом отчет. Эта опека, с одной стороны, помогла ему посетить все запланированные им места (иначе доехать туда и найти там ночлег было бы просто

невозможно), но, с другой стороны, ограничивала его контакты с местным населением, а, значит, и поле его научных исследований.

Книги Лепецкого не являются этнографическим описанием Сибири. Их цель иная. Подход автора к Сибири и ее жителям, его намерения при написании в значительной мере отражают уже сами названия этих произведений: «Сибирь без проклятий» и «Сибирь воспоминаний». В обеих книгах в доступной и выразительной форме даны сведения о географии, природе, естественных богатствах этого региона, об экономическом и политическом его положении, как и всего государства. Общие сведения переплетаются с авторскими сообщениями дневникового характера, с описаниями тех мест, которые он посетил, условий повседневной жизни и труда местных жителей, особенностей поездки по этим местам. Приводятся характеристики встреченных автором людей (их внешнего вида, материального состояния, занятий, отношения к религии, к государству, к чужим и т.п.), воссоздаются многочисленные сценки из повседневного быта сибиряков. Пожалуй, именно эти «микроистории», нередко совсем короткие сценки, эпизоды, можно сказать – крошечные частицы реальности, представляют наибольшую ценность. Такой материал всегда является замечательным дополнением к историческим и этнографическим исследованиям, придает им более «человеческое», гуманитарное измерение. Он позволяет лучше понять ту действительность, которая является объектом научных исследований и обобщений.

Сообщения Лепецкого содержат также комментарии, касающиеся страны и ее жителей, его размышления нередко приобретают обобщающий характер. Комментарии и оценки этого польского автора сами по себе выявляют момент соприкосновения разных культур, эффект их столкновения. В реакции поляка – человека с багажом негативных стереотипов и представлений о Российской империи, о российской культуре, о коммунистической системе – отражается его вос-

*Статья является сокращенным вариантом доклада, представленного на Международной конференции «Проблемы российско-польской истории и культурный диалог» (Новосибирск, 23–24 апреля 2013 г.). Полный текст будет опубликован в сборнике материалов конференции.

приятие действительности. Авторские комментарии и размышления касаются не только Сибири и русских, освещают не только тот материал, который описывает автор; в них раскрывается и психология поляков, их позиции, подход, а следовательно, маркируются взаимные связи, польско-русские отношения, и именно это позволяет с современных позиций – с определенной дистанции во времени – глубже понять суть оставленных Лепецким сообщений.

Описанные им частицы сибирской или – шире – российской действительности так же, как сопутствующие этим описаниям авторские комментарии, настолько богаты, что все их здесь охватить и охарактеризовать просто невозможно. Приведу несколько примеров, чтобы представить позицию автора.

Первая его поездка в Сибирь приходится на период едва обозначившегося улучшения отношений между Польшей и Советским Союзом, наступившего вслед за подписанием пакта о ненападении. В это время в Польше еще были живы многие бывшие ссыльные – жертвы царской России, в том числе вождь и любимый герой Лепецкого – маршал Юзеф Пилсудский. Это не могло не повлиять на сообщения Лепецкого. Во многих местах его первой книги встречаются позитивные оценки того, что сделала советская власть (сменившая власть царскую); такие оценки часто будут противоречить его более поздним, подробным описаниям советской действительности, оценке исторического опыта советской власти. Уже в первой главе Лепецкий подчеркивает, что пора положить конец определенным польским стереотипам.

«Наша печать, – пишет он, – приучила меня к тому, чтобы видеть в большевиках кровожадных чудовищ, исчадий зла. Неудивительно, что в Москве я смотрел на людей с определенным предубеждением... Однако ничего хищнического в них не обнаружил» [1, s. 10]. Вопреки представлениям, существующим в Польше, люди здесь не голодают, хотя и «не обжираются», а сама Москва «имеет улицы, залитые асфальтом, часто и тщательно вычищаемые, а автомобильное движение здесь более интенсивно, чем в Варшаве» [1, s. 11]. К тому же на выставке, посвященной 15-летию Красной армии, не было ни одного антипольского акцента [1, s. 14–16].

Он хвалит также те изменения, которые происходят в Сибири: «Азиатская Россия имеет теперь совершенно иной политический облик, нежели когда-либо в прошлом. Исчезли губернии, исчезли хищническая, грабительская экономика, централизация, налоговое бремя, безграмотность. Советское правительство смело приступило к дерусификации Сибири. Исправляя историческую несправедливость в отношении монгольских народов и туземцев, оно организовало этот край на совершенно иных основах, нежели прежде. Словно грибы под дождем, выросли здесь различные автономные республики и национальные округа народов, этнонимы которых прежде знали разве что специалисты-этнографы. Нынешняя Россия децентрализована. Края, области, округа, автономные республики

сами решают свои дела, не спрашивая разрешения у Москвы... Благодаря этому бурно развивается национальное школьное образование, а вслед за ним началось развитие (национальной. – В.О.) прессы и литературы» [1, s. 19].

С изумлением и, можно сказать, с восхищением пишет Лепецкий о процессах урбанизации Сибири. В частности, он отмечает «фантастический» прогресс в развитии Новосибирска в годы советской власти и прогнозирует дальнейшее быстрое развитие этого города. В 1936 г. он пишет: «Центр города покрыт асфальтом, Красный проспект имеет деревянное покрытие, на некоторых улицах существуют тротуары, на каждом шагу встречаются импозантные здания, одним словом, город имеет вполне порядочный вид и строится на плановой основе» [2, s. 172]. Он пишет о «великолепном здании театра» [2, s. 174], о том, что «у нас в Варшаве редко балетный спектакль может собрать столько зрителей. Публика одета бедно, даже убого. На Западе не встретить в театрах столь бедно одетых зрителей, но в остальном советские зрители ничем не отличаются» [2, s. 173–174]. При этом он также отдает себе отчет в том, что исключительно бурное развитие Новосибирска имеет свою политическую и милитаристскую основу.

С описанием Новосибирска резко контрастируют впечатления, полученные Лепецким от других городов и местечек Сибири. С изумлением отмечает он, что к 1936 г. столь важный город, каким является Иркутск, за три года, минувшие после его первого посещения, совершенно не изменился. Кроме деревянного покрытия, проложенного на улице Карла Маркса, строительства прекрасного моста и отеля – Центральной гостиницы (из кирпича от разобранной церкви), все осталось в том же страшно неприглядном, запущенном виде, как было. Кроме Новосибирска, почти все встреченные в Сибири города он описывал как «деревянные, застроенные хаотично, не имеющие тротуаров и твердого покрытия мостовых». Он готов был сделать некоторое исключение для Иркутска, Хабаровска, Томска, Владивостока и Тобольска, но и они представлялись ему «деревянными, грязными, запущенными» [1, s. 36].

Критический анализ официальных сообщений и их сопоставление с подлинной действительностью значительно усиливается у Лепецкого во время второй его поездки в Сибирь.

Во время первого посещения Сибири его восхищала огромная добровольная подвижность россиян: «Раньше мне казалось, что советский строй привязывает, приковывает людей к месту их проживания, делает невозможным свободное перемещение. Но глядя во время моей поездки на Сибирь на переполненные поезда, на толпы людей, устремленных в разные стороны света, я изменил свое мнение. Отсутствие безработицы и огромная потребность в рабочих руках и “мозгах” приводят к тому, что советские фабрики, предприятия и институты принимают рабочих и сотрудников, стараясь приобрести для себя (“подкупить”) самых луч-

ших и не интересуясь особенно тем, откуда прибывает к ним эта новая рабочая сила» [1, s. 21].

Я уже упоминал о том, что Лепецкий пишет о «дерусификации» Сибири. В другой своей книге он, однако, замечает: «Миграционные движения в СССР нельзя приравнять к нормальным движениям такого рода в других странах, поскольку в Советском Союзе они далеко не всегда имеют добровольный характер. Старая царская традиция насильственных переселений целых деревень до сих пор еще жива в Советском Союзе. Массовые переселения (русских. – В.О.) в сельские районы вместе с увеличением (за их счет. – В.О.) населения сибирских городов являются очень значительными в численном измерении, и это будет оказывать и уже оказывает свое влияние на этнографический облик всего сибирского края. Особенно я здесь имею в виду ситуацию в Бурят-Монгольской Республике» [2, s. 184].

При первом посещении Сибири Лепецкий удивлялся тому, что поляки, в том числе дети польских ссыльных патриотов, теряют свою польскую идентичность, знание польского языка, а порой даже не ведают о причинах и обстоятельствах ссылки в Сибирь их родителей [1, s. 19, 66]. Ему кажется, что это происходит по их личной вине, и он не замечает при этом присутствия в их жизни органов НКВД. Но во время второй своей поездки он даже не пытается установить контакты с местными поляками, чтобы, как он сам пишет, не навлечь на них неприязни [2, s. 192].

Много места в обеих книгах Лепецкий посвящает описанию кладбищ, православных и католических храмов. Он пишет об отношении к ним не только советской власти, но и русского народа.

Для меня как польского этнолога в обеих книгах наиболее интересными являются те краткие зарисовки и эпизоды, которые связаны со встречами Лепецкого с жителями городов, деревень, охотничьих заимок, с людьми, которых он видел в степи, в тайге, на берегу реки или во время своих передвижений – в поездах, на пароходах. Интересны даже те интервью, которые он взял у работников НКВД. Именно эти записи формируют чрезвычайно разнообразную, дифференцированную культурную и общественную панораму Сибири 1930-х гг. Таких жизненных «кадров» в этих книгах много и они так разнообразны, что невозможно их ни воспроизвести, ни систематизировать.

Вместе с тем иногда Лепецкий дает более обобщенный, синтетический образ жителей Сибири, прежде всего русских сибиряков. Этот обобщенный образ также имеет свою ценность как пример восприятия и понимания сибирской культуры той эпохи поляком-современником. Уже в самом начале первой книги мы читаем: «Проживающие в Сибири русские, которых называют сибиряками, а на бытовом жаргоне “чалдонами”, имеют определенные черты, отличающие их от их соотечественников, проживающих к западу от Уральских гор... Прежде всего сибиряки уже в нескольких поколениях ведут свободный образ жизни, живут в достатке. Это оказало влияние на их внешний

физический облик. Они отличаются от своих европейских собратьев более высоким ростом, большей силой и здоровьем. Их женщины выделяются белизной кожи и полнотой. Язык сибиряков имеет особенный акцент..., их лексикон полон слов монгольского происхождения. Прославленное русское гостеприимство в Сибири достигает невероятной силы. “Широкая натура” москаля у сибиряка еще “шире”, его простота, выраженная в формуле “рубаха-парень”, – еще проще, его добродушие – еще более добродушно. Сибиряк всегда демонстрировал заметное безразличие к религиозным делам. Ныне сибиряки принимают участие в организациях “безбожников”, целью которых является борьба с религией, но и это они делают без особого энтузиазма. И нынешнее отношение сибиряков к православию осталось таким, как прежде, а именно безразличным. Как раньше сибиряк был только номинальным православным верующим, так сейчас он является только номинальным “безбожником”» [1, s. 30–31].

К этим «обобщающим» характеристикам у Лепецкого добавляются часто встречающиеся, подчеркнутые упоминания о том, что сибиряки мало заботятся о своем внешнем виде и, скажем деликатно, обладают не слишком изысканными манерами, что проявляется публично и характерно как для простых людей, так и для тех, кто находится на высоких административных постах. Неяркость, неопрятность сибиряков выявляется также в их нежелании и неумении поддерживать чистоту окружающей их среды. Вместе с тем Лепецкий подчеркивает их любовь к музыке, танцам, театру, высокий уровень развития этих видов искусства.

Свою вторую поездку Лепецкий завершает в восточносибирском селении Акатуй, где до 1917 г. находилась тюрьма. Это было одно из самых страшных и жестоких мест каторги. Лепецкий понимает, что тяжелая доля сибирских ссыльных не ушла в прошлое вместе с падением царизма, что ситуация в России не слишком резко изменилась. «Слово БАМ (Байкало-Амурская магистраль), – пишет он, – звучит сегодня как-то странно и кажется удивительно похожим на старое слово “каторга”» [2, s. 295]. Хотя Лепецкий знает о кошмарном прошлом Акатуя, он все же видит и воспринимает это место иначе, чем авторы, бывшие современниками каторжан царского времени. «Где же были глаза у Максимова¹, – удивляется Лепецкий, – который писал, что более печального места, чем Акатуй, нет во всем Забайкалье? И почему Кеннан² лишил его всякого очарования и назвал самым печальным уголком земли, который он когда-либо видел! Мне, поляку, который смотрел на долину Акатуя с перспективы 18-летней независимости моей Отчизны, эта местность не казалась ни печальной, ни унылой, а напротив, казалась очаровательной и вызывала восхищение. На

¹ Речь идет о С.В. Максимове. Лепецкий ссылается на польское издание его книги [3].

² Речь идет об американце Джордже Кеннане, который в 1885 г. посетил места сибирской каторги ссыльных и описал свои впечатления в книге, изданной также в Польше [4].

свободу моего мышления не бросал своей тени образ мрачной, переполненной каторжанами тюрьмы, и звук кандалов за высокими стенами и в темных шахтах не долетал до моего уха и не влиял на мое ощущение реальности. Но кто знает, что бы я сказал об этой долине еще, скажем, в 1916 году... Однако теперь, – мне даже стыдно в этом признаться, – я был ею очарован» [2, с. 294].

Из сказанного следует, что Лепецкий прекрасно понимал «контекстуальность» нашего познания и суждения, его зависимость от контекста и собственного, всегда так или иначе ограниченного культурного багажа. Лепецкий также лелеял в своей душе надежду на доброе будущее Сибири, дороги которой, как он писал, будут переполнены туристами, а влюбленные молодые будут приезжать сюда, чтобы провести здесь

свой медовый месяц [2, с. 143–144]. Ведь «прекрасная суровая Сибирь, – писал он, – ни в чем не виновата, не ее надо проклинать за то зло, которое правило бал на этих землях. А может быть, вообще, не надо проклинать? Надо только обо всем этом помнить» [2, с. 216].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Lepecki M.* Sybir bez przekleństw. Podróż do miejsc zesłania Marszałka Piłsudskiego (wyd. I: Warszawa, 1934) // *Lepecki M.* Sybir bez przekleństw : podróż do miejsc zesłania Marszałka Piłsudskiego; Sybir wspomnień. Łomianki, 2012. 297 s.
2. *Lepecki M.* Sybir wspomnień (wyd. I: Lwów, 1937) // *Ibid.*
3. *Maksimow S.* Syberia i ciężkie roboty. Warszawa, 1900.
4. *Kenan G.* Syberya. Nakładem tłumacza. Lwów, 1892. Т. I–III.

Статья поступила
в редакцию 26.03.2013

УДК 94(47)073+94(57)+930.085

Н.П. МАТХАНОВА

ТОБОЛЬСКИЙ ГУБЕРНАТОР В.А. АРЦИМОВИЧ И ЕГО ЗАПИСКИ О ПОЕЗДКЕ НА СЕВЕР ГУБЕРНИИ*

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: istochnik_history@mail.ru

В статье рассматривается тобольский период деятельности выдающегося государственного деятеля России В.А. Арцимовича. В научный оборот вводится созданное им «Описание поездки по Сибирскому краю». Показано влияние личных впечатлений от поездки по северу Тобольской губернии на административную деятельность.

Ключевые слова: В.А. Арцимович, поляки на государственной службе в России, поляки в Сибири, Тобольская губерния, Берёзов, Обдорск, Самарово, политическая ссылка.

Тема «Поляки в Сибири» естественным образом ассоциируется прежде всего с польской политической ссылкой, но немало поляков находилось и на государственной службе в Сибири. Одним из поляков, сделавших успешную карьеру, был выдающийся деятель эпохи Великих реформ Виктор Антонович Арцимович (1820–1903). Он закончил привилегированное Училище правоведения – одно из лучших учебных заведений, дававших профессиональное юридическое образование. Арцимович был поляком и католиком – вопреки мнению известного польского историка А. Кіjas’а, он не перешел в православие [1, с. 9]. Об этом говорят как собственные слова Арцимовича, сказанные Александру II в 1863 г. и тогда же переданные в письме к жене: «По вере я католик»

[2, с. 637], так и тот факт, что он был похоронен на католическом кладбище [3, с. 31]. Но он «проводил в стенах училища даже и каникулы, имел общение с одними только русскими» [2, с. 634]. Из училища Арцимович вынес не только знания юриспруденции, но и специфический «легалитский» подход ко всякого рода деятельности: «Он всегда ставил закон выше личных и сословных интересов» [4, с. 340]; «всегда стоял за право и справедливость, за точное и неуклонное применение закона во всех случаях» [5, с. 624]. В 1854 г. в возрасте 34 лет, что было совершенно необычным в то время, он стал тобольским губернатором. Так началась его блестящая административная карьера, включавшая должности главы Калужской губернии, секретаря вице-президента в Государственном совете и председателя юридической комиссии Царства Польского и, наконец, первоприсутствующего сенатора в 1-м департаменте Сената.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-01-00350а.